
ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

И В А Н
ПОГОНИН

– Экспедиция в рай –

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П43

Художественное оформление
Петра Петрова

П43 **Погонин, Иван.**

Экспедиция в рай / Иван Погонин. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-091541-5

Приключения бывшего чиновника сысской полиции Тараканова начинаются тогда, когда Осипа Григорьевича после революции против воли мобилизуют в советскую уголовно-розыскную милицию и поручают расследовать первое преступление: ограбление с убийством. Оценит ли профессионализм Тараканова новая власть? Или посчитает его недостаточно компетентным, а то и опасным? Осип Григорьевич не без труда находит исполнителей преступления, но дадут ли ему подобраться к заказчику?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091541-5

© Погонин И., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

БЫВШИЙ

«14/25 мая 1918 года. Насчитывают, что в одной Московской губернии сейчас более 300 000 человек безработных.

На станции Ожерелье Рязано-Уральской железной дороги в багажный вагон ворвались несколько вооруженных человек, которые застрелили багажного кондуктора, чиновника наркомфина и милиционера, забрали почтовые баулы, в которых было 9 000 000 руб. и скрылись. И о таком событии теперь в газетах напечатано мелким шрифтом. Потому что это — «мелочь». А я помню, лет 35 тому назад казначей воспитательного дома украл 200 000, так тогда московские газеты писали о том случае целый месяц, посвящая ему полномеру».

Из дневника обывателя

Глава 1

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Тараканов прислонился к стене камеры и закрыл глаза. От холода кирпичной кладки головная боль сделалась тише. Кровь из разбитой губы больше не текла. «Вот и попили хорошего чайку на праздник...» На душе было так тоскливо — хоть волком вой! Ведь не хотел же в Москву

Иван ПОГОНИН

ехать, не хотел! Когда в пять утра из дома вышел, увидел, что погода испортилась — похолодало до минуса, снег пошел. Пока ехал до станции, до того продрог, что уж было совсем решился на этом же извозчике домой возвращаться. Но тут жену вспомнил, сынишку. Ох, расстроил бы Настю пустой праздничный стол! Да и Ваньку чем-нибудь вкусеньким хотел побаловать. Поэтому поднял воротник пальто, руки в карманы засунул поглубже и быстро-быстро засеменял к вокзалу. В зале ожидания отогрелся, да еще и приятеля встретил, с которым давно не виделся. А у того с собой целое сокровище: шутовский довоенный коньяк во фляжке. Так что, когда поезд подали, настроение у Тараканова было совсем хорошим. Да и в Москве повезло: в хвостах не стоял, все к праздничному столу купил у одного торговца — бывшего поставщика его мясных лавок. Да как купил — почти даром, по осенним ценам. Это потому, что золотыми рублями расплачивался, не бумажками.

Сам Тараканов оказался купцом никудышним. Впрочем, если бы не обстоятельства, торговал бы Осип Григорьевич и поныне, для руководства хорошо отлаженным делом большого ума не требовалось. Но весной семнадцатого Тульская городская дума ввела таксу на продукты питания, и Тараканову пришлось выбирать: или торговать себе в убыток, или начать прятать товар и спекулировать, то есть заниматься тем, с чем не так давно он боролся в славном городе Львове, не жалея при этом живота своего и служебного времени. Отставной сыщик думал, думал и выбрал из двух вариантов третий: решил продать дело

своему старшему приказчику. Услышав эту новость, жена чуть в обморок не упала. Как она только его не уговаривала, какими карами не грозила, даже разводиться хотела. Но Тараканов был непреклонен, и баронессе пришлось смириться. Взял он за «Мясную торговлю наследника П.С. Яковлевой», как тогда казалось, хорошо — десять тысяч. Восемь тысяч были в билетах четырехпроцентной государственной ренты, их Тараканов положил в банк, а две тысячи Кузьма Матвеевич принес золотыми империялами, десятками да пятерками. Осип, дурак, их еще брать не хотел — хождение монеты из драгоценных металлов в ту пору уже было запрещено. Еле его Кузьма уговорил, и за это теперь Тараканов при каждом посещении церкви ставил бывшему своему приказчику свечку — в декабре прошлого года большевики банки национализировали, а все долги Николая Кровавого простили. И остался бы Ося с носом, если бы не эти золотые две тысячи. На них все семейство последние полгода и жило. В Туле стало совсем голодно, поэтому перебрались к матери, в Каширу, поближе к ее коровкам и домашним молочным продуктам. Теткин дом Тараканов стал сдавать. В феврале жена поступила на службу в уездный Совет, машинисткой, а Тараканов подрядился конторщиком на товарную станцию.

Молока в доме было вдоволь, а вот с другими жизненными припасами дела обстояли намного хуже. Если самые простые продукты еще можно было купить в каширских лавках, то разных праздничных вкусок там уже давно не водилось. Особенно тяжело Насте было без чая — чаев-

Иван ПОГОНИН

ничать она любила, но ту странную смесь, которую продавали в лавке купца Антонова по 12 рублей 50 копеек за фунт, пить не могла.

Поэтому-то и встал сегодня Тараканов с первыми петухами, чтобы успеть на утренний поезд до Москвы — чайку хотел купить, продуктов каких-нибудь — разговеться, ну а если совсем повезет — то и окорок. Домой рассчитывал вернуться с четырехчасовым.

Все купил, да не задорого, положил в саквояж и пошел на трамвайную остановку. На извозчика тратиться не хотелось, они, оглоеды, совсем совесть потеряли — 10 рублей за самый короткий конец просили. Трамваи ходили редко и потому были переполнены. В первые два ему влезть не удалось, а когда на третьем к Саратовскому вокзалу подъехал, понял, что, если не поторопится, на поезд опоздает. Бегущий, буржуйского вида мужчина был замечен и остановлен патрулем матросов-балтийцев. Бра тишки бесцеремонно обыскали таракановский саквояж, нашли чай и заявили, что он экспроприируется в пользу революции. Тараканову бы промолчать, поскрипеть бы зубами и дальше бежать, на поезд успеть попытаться, так нет, начал права качать, уж больно чая стало жалко. Бра тишки долго не слушали — один из них ударил его кулаком в челюсть, после чего ему завернули руки за спину и отвели в ближайший участок, или, как они теперь называются, — комиссариат.

А там ему опять «повезло» — комиссарил во втором Пятницком участке некто Булгаков, бывший стрелочник Николаевской железной дороги, который в двенадцатом

году благодаря Тараканову был отправлен Московским окружным судом на каторгу.

Осип Григорьевич своего крестника и не узнал — много их у него, да и тяжело было узнать в седом человеке в кожаной куртке и пенсне бывшего красавца-стрелочника. Зато Булгаков узнал его сразу.

— Огромное пролетарское спасибо вам, товарищи! — обратился он к приведшим Тараканова матросам. — Вы даже не знаете, какую крупную рыбу изловили. Это же господин Тараканов — известный жандарм.

Через два часа отставного коллежского секретаря на автомобиле повезли на Лубянку, 11. Сидевший рядом с ним милиционер держал в руках саквояж Осипа Григорьевича и тощую бумажную папку, в которой находились протоколы и рапорта. Из них следовало, что бывший чин царской полиции Тараканов, неоднократно поощрявшийся начальством за активную борьбу с революцией, четвертого сего мая, на Кожевнической улице занимался спекуляцией продуктами питания и был задержан на месте совершаемого преступления совместным милицейско-флотским патрулем.

За эти прегрешения Осипу Григорьевичу по революционным законам грозило самое суровое наказание.

* * *

Тротуар у бывшего здания страхового общества «Россия» с обеих сторон был огражден рогатками из колючей проволоки. Когда милиционер открыл перед ним дверь, Тараканов увидел пулемет с заправленной лентой, рядом с которым стояло двое чекистов.

Иван ПОГОНИН

Осипа Григорьевича провели в большую комнату, перегороденную поперек наспех склоченным барьером из неструганных досок. Оставив Тараканова под охраной двух каких-то типов, милиционер убежал.

За барьером находилось человек двадцать собратьев по несчастью. Здесь были люди в солдатских и офицерских шинелях, в поддевках, в потертых пиджаках и в роскошных пальто. В комнату то и дело входили и выходили крепкие ребята в кожаных куртках, в фуражках с красной звездой на околыше, с кобурой на животе.

Чекисты громко разговаривали между собой, ругались, спорили, но все не по-русски. Языка Тараканов разобрать не мог.

Милиционер вернулся минут через двадцать и велел Тараканову подниматься по лестнице. Пройдя длинным коридором вдоль ряда дверей с намалеванными неумелой рукой номерами, милиционер велел остановиться у одной из них, постучал и, получив разрешение, завел Тараканова в кабинет.

В глубине комнаты стоял большой письменный стол, за которым сидел темно-русый мужчина лет тридцати в пиджаке и белоснежной сорочке, с воротником, подвязанным модным галстуком. В руках он держал отобранный у Тараканова паспорт, саквояж Осипа Григорьевича стоял на столе.

Мужчина, отпустив милиционера, показал рукой на приставленный к столу стул, приглашая садиться.

— Здравствуйте, — чекист взглянул в паспорт, — Осип Григорьевич. Меня зовут Альфред Иванович. Я буду за-

ниматься дознанием по вашему делу. Вам это знакомо? —
Глядя в глаза Тараканову, он указал на саквояж.

— Здравствуйте. Разумеется, знакомо. Это мои вещи.

— Это хорошо, что не пытаетесь отрицать очевидного.

Где взяли продукты?

— Купил.

— Где?

— На рынке, у Даниловского монастыря.

— В Москве?

— Разумеется, в Москве.

— Купили и тут же хотели продать?

— Ничего я продавать не хотел. Купил продуктов для семьи, на праздничный стол.

— На Пасху? В Бога веруете?

— Верую. Это вроде не запрещено?

— Не запрещено. Запрещено спекулировать.

— Я не спекулировал.

— А вот в рапортах написано иное. Вот товарищи Бутузов, Хохлов, Фоменко доносят, что спекулировали. И, знаете ли, у меня больше оснований верить своим товарищам, чем вам, бывшему жандарму. Вы офицер? В каком чине? — вдруг резко спросил он.

— В военных чинах никогда не состоял. В отставку вышел коллежским секретарем. В корпусе жандармов не служил. Я всю жизнь занимался только уголовным сыском.

— Почему вышли в отставку?

Тараканов замялся.

— Нашел себе иной род занятий.

Иван ПОГОНИН

— Это какой же?

— По торговой части.

— А говорите, что не спекулянт!

— Я торговлей еще до переворота перестал заниматься. Сейчас служу по НКПС¹.

Чекист несколько минут перебирал бумаги. Прочтя один из листков, он криво улыбнулся:

— А что вы скажете в отношении показаний товарища Булгакова, комиссара второго Таганского участка? Вам их зачитать?

— Не надо, я примерно представляю содержание его показаний. И скажу я вам по этому поводу следующее. Я действительно арестовывал Булгакова в тысяча девятьсот двенадцатом году. Но не по политическим делам, а по делу о хищении с железной дороги. Он, в составе шайки, вагонами оттуда воровал.

— Вагонами? Это как?

Тараканов рассказал.

Чекист немного помолчал.

— Ну хорошо. Мы проверим. А пока я вас арестовываю. До выяснения всех обстоятельств.

* * *

Тараканова, теперь уже под конвоем двоих людей в кожанках, отвели вниз и вновь поместили в комнату с барьером. Там он пробыл до утра. В пять часов всех арестованных посадили в грузовой автомобиль и повезли по московским предраcсветным улицам. Машина нырнула к Охотному ряду и повернула на Тверскую. В голове у Осипа

¹ НКПС — Народный комиссариат путей сообщения.

мелькнуло: «Не в сыскное ли везут?» Он угадал — грузовик свернул в Малый Гнездниковский.

В столе приводов их стали фотографировать и дактилоскопировать. Взглянув на чиновника, оформлявшего карточки задержанных, Тараканов узнал старшего надзирателя Герасима Ильича Фокина. Он дернулся к нему, хотел поздороваться, но надзиратель, увидев бывшего коллегу, опустил голову. Тараканов здороваться передумал.

Один из задержанных — тучный мужчина в пальто с иголки никак не мог понять указания дактилоскописта и не так, как надо, прикладывал руки к листу бумаги. Чиновник возился с ним минут десять. Наконец мужчина не вытерпел и сказал:

— И вам не стыдно этим заниматься?

— Кормимся помаленьку, что поделаешь, — ответил дактилоскопист. — Служба не увечная, да и бесперебойная, каждый день все новых подваживают.

Записывая данные Тараканова, бывший старший надзиратель спросил:

— Где жительство сейчас имеете?

— Кашира, Тульской губернии, Малая Посадская, вдовы Таракановой собственный дом.

С Гнездниковского их отвезли на Таганку.

После утреннего рапорта Фокин попросил у Маршалка личной аудиенции. Пробыв в кабинете начальника около получаса, Герасим Ильич вышел на улицу, дошел до Большой Дмитровки, там, поработав локтями, втиснулся в трамвай № 25 и поехал на Саратовский, бывший Павелецкий, вокзал.